

СНАРЯЖЕНИЕ КОНЯ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)

Культурно-историческая специфика кочевых обществ, долгое время господствовавших на обширных территориях Евразии, заключалась, главным образом, в их мобильности и необычайно высокой в связи с этим роли коня. Для максимально полного и наиболее эффективного использования лошади применяется специальное снаряжение. Отдельные детали лошадиной амуниции и вся она в целом являются продуктом длительного поиска наилучшей формы, отражением специфики эпохи и народного менталитета, той или иной ситуации, социальных запросов, уровня развития технологии, проведения необходимых расчетов прочности изделий и т. п. Конское снаряжение, включающее оголовье и седло, их формы и размеры, технологию производства, зависит от условий их применения и задач, которые предполагается достигнуть при этом. В военном деле амуниция лошади, как одного из основных участников боевых столкновений, должна учитывать особенности владения тем или иным оружием, типом доспехов. Воин-наездник должен себя удобно чувствовать в седле, устойчиво держаться в стременах, не теряя управления при использовании копыя, сабли и лука, независимо от тяжести и гибкости его доспехов. Конское снаряжение должно отвечать и требованиям, предъявляемым в хозяйственной жизни, являясь, согласно утверждению С. А. Плетневой, «средством производства» [Плетнева С. А., 1967. С. 156]. Табунное скотоводство предполагает долгое нахождение в седле, следовательно, форма седла должна содействовать минимальной утомляемости всадника. Пересеченный рельеф изучаемого региона заставляет учитывать крутые спуски и подъемы, соответственно, нагрузку на разные детали снаряжения. Перевозка раз-

личных выюков означает наличие специальных приспособлений в составе сбруи. Охота также происходит при участии коня, и его снаряжение должно всячески этому способствовать. Использование коня в повседневном быту и различных церемониях накладывает отпечаток на его снаряжение (убранство лошади, например, при проведении свадебного ритуала, может отличаться относительно роскошным оформлением, что часто указывает не только на обрядовое использование коня, но и характеризует социальный статус владельца). Как в современном обществе производство автомобиля требует развития технологии изготовления целого комплекса его деталей из различных материалов, так и в древности производство конского снаряжения влекло за собой необходимость совершенствования знаний о свойствах материалов органического и неорганического происхождения и способов обработки дерева, кожи и различных металлов.

Отмеченные характеристики роли коня и конского снаряжения позволяют считать их важной составной частью материальной и духовной культуры коренных народов Среднего Енисея – территории, являвшейся центром Сибири, для которой было характерно отражение процессов этнического, культурного, технологического развития, протекавших как в западной, так и в восточной частях этого крупного региона Евразии. Научная интерпретация данного материала будет существенно способствовать реконструкции этнических процессов, а также характеристике ряда тенденций, конкретных фактов и явлений политической и экономической истории, технологии древнего производства. Полноценное использование источников, связанных с верховой ездой, поможет уточнить хронологию, территориальные рамки,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-01-00434а).

особенности развития археологических культур народов и этнических групп, ставших непосредственными предками ряда современных коренных этносов Сибири. Анализ данных по конскому снаряжению является важным условием понимания специфики культурных взаимодействий между различными народами, особенно на территории, где такие процессы были наиболее интенсивными и характерными для ряда других районов. Не вызывает сомнения, что исследование конского снаряжения у населения Среднего Енисея – места проживания в позднем средневековье и начале Нового времени ряда различных по своему происхождению этнических групп, находившихся в состоянии активных этнических контактов, откроет много новых возможностей для заполнения имеющихся лакун как в их собственной, так и истории, материальной и духовной культуре жителей ряда соседних территорий.

Комплекс археологических источников по конскому снаряжению позднесредневекового населения Среднего Енисея складывается из предметов, обнаруженных в погребальных памятниках. Известно два основных типа погребального обряда у коренных народов региона в изучаемый период. Для енисейских кыргызов характерным является сожжение на стороне тела покойного в его одежде, в сопровождении вооружения, предметов конского снаряжения и быта и последующее захоронение кремнированных останков и сопроводительного инвентаря в неглубоком углублении в земле с сооружением кольцевой каменной выкладки на поверхности. Как правило, такие погребения размещались на господствующих на местности возвышенностях и часто образовывали могильники. Схожее месторасположение занимали погребения, выполненные по обряду трупоположения и относимые к кыргызским кыштымам (зависимому населению). В таких погребениях покойного укладывали в яму, часто в сопровождении предметов вооружения, быта и конского снаряжения. В отдельных случаях использовали дополнительные погребальные сооружения – гробовища, настил.

В погребениях с кремацией в руки археологов, среди прочего, попадают железные предметы конского снаряжения хорошей сохранности, а иногда и выполненные из цветных металлов. Но при этом уничтожаются все органические части амуниции, сильно страдают вещи, изготовленные из легкоплавких металлов. В трупосожжениях невозможно определить располо-

жение предметов в период их использования. В непотревоженных погребениях с ингумацией сохраняется расположение инвентаря *in situ*, но сохранность железных предметов весьма плохая. Однако, в отличие от памятников с трупосожжением, остается шанс обнаружить изделия, изготовленные из органических материалов. В результате раскопок погребальных памятников в археологический оборот попали практически все детали конского снаряжения, и даже фрагменты отдельных ремней (узdechных и подпружных). В целом имеющихся в нашем распоряжении археологических материалов достаточно для археолого-исторического анализа конского снаряжения.

Снаряжение коня («*ат тириш*»¹) населения юга Средней Сибири на позднейших этапах ее истории состояло из двух основных частей – оголовья (узды) и седла со стременами.

Оголовье («*чуген*») – приспособление, надеваемое на голову лошади и позволяющее управлять ею; это система из ремней с накладками и кольцами, которые удерживают удила во рту лошади; следовательно, элементами узды являются суголовье, удила и поводья (повод) [Тишкин А. А., Горбунова Т. Г., 2004. С. 24]. Суголовьем называют набор ремней, расположенных на голове лошади. Полный комплект этих ремней включает: налобный, наносный (храповый), два нащечных, затылочный, подбородочный (подбородный) и подгубный [Там же]. Все ремни, кроме нащечных, располагаются поперек головы (морды) лошади. Подбородочный ремень в данном случае находится за ганашом, а на подбородке располагается подгубный. Это стандартный, но не обязательный набор. Конструкция оголовья может быть самой разнообразной. Во-первых, часто отсутствуют некоторые ремни, например подгубный, налобный или наносной [Там же. С. 25]. Во-вторых, возможно наличие дополнительных ремней, к примеру, протянутых от наносного к налобному между глаз параллельно друг другу или перекрещивающихся. Здесь же стоит отметить, что иногда ремни не разделяются и фактически представляют собой один длинный. Это относится к затылочному и нащечным ремням. Этнографические примеры показывают использова-

¹Здесь и далее в тексте статьи курсивом отмечается название соответствующих деталей конского снаряжения в современном хакасском языке, приводимое по: [Патачаков К. М., 1958].

ние узды, состоящей из ремней на храпе, на подбородке («сагалдырых») и за ганашом, а также ремня, который проходит по щекам и огибает голову коня далеко за ушами, у основания черепа, соединяя вышеперечисленные ремни [Патачаков К. М., 1958; Рис. 28]. Последний ремень можно считать и затылочным («чугелдирик»).

Для удобства дальнейшего описания нашего археологического материала стоит несколько скорректировать приведенные выше мнения исследователей. На наш взгляд, следует разделять подбородочный и ремень, который проходит за ганашом, между ним и горлом коня, называя последний заганашечным, а подгубный ремень считать подбородочным [Тишкин А. А., Горбунова Т. Г., 2004; Рис. 7].

К ременной системе узды следует относить поводья. Поводья (повод) – это «ремень, который прикрепляется своими концами к удилам и является одним из основных средств управления лошастью. С его помощью всадник устанавливает положение головы и шеи коня, указывая направление» [Там же. С. 30], а также способ и темп передвижения. К. М. Патачаков отмечает наличие в хакасской узде двух поводьев («тин»). Один из них (замкнутый повод – «туюх тин»), обычно ременной, крепился концами к кольцам удил [Патачаков К. М., 1958. С. 42]. Другой повод (чумбур – «узун тин») «был веревочный и ременной, длиной в 3–4 м» – применялся для привязывания коня либо ведения его спешившимся всадником [Патачаков К. М., 1958. С. 42; Тишкин А. А., Горбунова Т. Г., 2004. С. 37]. К сожалению, в памятниках изучаемой территории позднего средневековья и начала Нового времени ремни оголовья и поводья не находились.

Судя по различным источникам, редкое суголовье обходилось без использования дополнительной фурнитуры. Скрепление ремней могло происходить при помощи сшивания, связывания узлами, через металлические тройники или соединительные кольца. При этом на конец ремня могла надеваться металлическая обойма. Для предотвращения разрушения конца ремня к нему мог крепиться металлический наконечник. Степень натянутости ремней регулировалась при помощи узлов либо пряжек с тренчиками, сделанных чаще всего из металла. Существенной деталью внешнего вида лошади являлись разнообразные накладки на ремни оголовья.

Важной частью узды у позднесредневекового населения Среднего Енисея считается наносной султанчик, который крепился на храповом ремне и служил для несения султана, состоявшего из перьев, конского волоса и т. п. [Тишкин А. А., Горбунова Т. Г., 2004. С. 52–54]. К позднесредневековому периоду нами отнесено 13 экземпляров султанчиков, обнаруженных в закрытых комплексах Среднего Енисея, в результате археологических раскопок. Из этого количества 12 предметов представлены в классификационной таблице (табл. 1). Все они железные, часть из них в период использования была покрыта серебряной аппликацией. Ряд султанчиков представлен исключительно пластиной-накладкой. В том числе и по этой причине форма трубочки-втулки при классификации не учитывалась. Уверенно датируемый археологический материал не позволяет в настоящее время судить о хронологической и культурно-диагностирующей значимости формы втулки султанчика. Два экземпляра (из кургана № 1 Абакано-Перевоз и могила № 2 Часовенная Гора) имеют значительные повреждения накладки-пластины и классифицируются согласно их предположительной реконструкции. В таблицу не вошел султанчик из могилы № 2 Часовенная Гора. В этом погребении было обнаружено два наносных султанчика, один из которых считается привнесенным из другой могилы [Савинов Д. Г., 1990. С. 116]. Не вошедший в таблицу султанчик имеет бронзовую втулку и плохо сохранившуюся железную пластину-накладку, тип которой можно определить как «вилчатый» [Кызласов И. Л., 1983. С. 17, табл. 3]. Классификация султанчиков производится на основании схемы И. Л. Кызласова, которую он предложил, основываясь на многочисленном инвентаре, накопленном к тому времени. Классификация базируется на шестиступенчатой системе деления материала. Группы выделяются по материалу изготовления предмета, подгруппы – по материалу изготовления втулки и пластины раздельно, разряд определяется по форме втулки, раздел – по поперечному сечению пластины, надотдел – по направлению основных осей пластины, отдел – по общей форме пластины, подотдел – количеству и размещению заклепок на пластине, вариант подотдела – по длине накладки; тип отражает оформление окончаний пластины [Там же. С. 11, табл. 3]. Эта классификация предполагает указание всех важных характеристик на-

**Классификация наносных султанчиков из археологических памятников
Среднего Енисея позднего средневековья**

Раздел	Надотдел	Отдел	Подотдел	Вариант	Тип	Погребение
П-образные	Линейные	Заостренно-выпуклые	Двухзонные одинарные	Длинные	1. Сердцевидные	№ 17 Койбалы I (XII–XIV вв.)
		Кругловыпуклые с зазубринами	Однозонные одинарные	Средние	2. Фертовые	№ 1 Койбалы I (XIII–XIV вв.)
Пластинчатые		Кругловыпуклые	Двухзонные одинарные	Длинные	3. Округлоконечные	№ 2 (XIII–XIV вв.), № 5 (XII–XIII вв.) Коя I
					4. Сердцевидные	№ 2 Означенное VI (XI–XIII вв.)
		Однозонные одинарные	Короткие	5. Округлоконечные	№ 2 Часовенная Гора (неопред.) (XIII–XIV вв.)	
Трапецевидные		Округловыпуклые	Трехзонные 1–2–1	Длинные	6. Вытянутофертовые	№ 1 Абакано-Перевоз (XIV–XVII вв.)
		Кругловыпуклые с зазубринами	Двухзонные одинарные	Средние	7. Округлоконечные	№ 4 Оя I (XIII–XIV вв.)
					8. Трезубцевые	№ 3 Оя II (XII–XIV вв.)
			Двухзонные 1–2	Средние	9. Парносердцевидные	№ 8 Тепсей III (XII – нач. XIII в.)
		Длинные		10. Фертовые	№ 3 Самохвал II (XII – нач. XIII в.)	
Округловыпуклые		Двухзонные одинарные	Средние	11. Прямоконечные	№ 1 Оглахты IV (XII – нач. XIII в.)	

носных султанчиков. Тем не менее известные нам находки из закрытых комплексов требуют уточнения принципа характеристики отдела. Здесь следует уделять внимание, главным образом, оформлению центральной части накладки, окружению отверстия для втулки. Кроме того, учитывая сделанную выше оговорку относительно втулок, связанные с ними классификационные единицы опущены.

Анализ имеющегося вещественного материала подтверждает, что основной характеристикой султанчика, отличающей отдельные экземпляры и классификационные единицы, является степень его декоративного оформления. Показатели существования этого признака: не просто округлое, или близкое к этому, а более сложное оформление окончаний пластины (фертовое, сердцевидное, трезубцевое и т. п.); выделение гнезда для втулки зазубри-

нами и т. п.; П-образное, геометрическое или другое поперечное сечение пластины, создающее впечатление ее выпуклости, а также скошенные бортики; расположение заклепок таким образом, чтобы их головки подчеркивали общий вид пластины (на выступах, полусферических формах и т. п.), выделение шляпок, превращение их в элемент украшения. Кроме того, существенно увеличивают степень декорирования орнаментация накладки или втулки, валик по сторонам пластины и т. д.

Характеризуя примерную линию развития, можно сказать, что население разных районов Среднего Енисея развивало декорацию султанчиков, добавляя новые элементы оформления. Этот процесс был прерван монгольским завоеванием. Не сразу, но постепенно культура енисейских кыргызов затухала. Основываясь на предшествующих достижениях кузнечно-

го искусства, связанного с южными и восточными соседями, а также пришедшими новыми этническими группами, местные мастера еще создавали шедевры металлообработки. Кроме того, для более точной характеристики хронологической принадлежности султанчиков необходимо иметь в виду, что срок службы этих изделий может быть очень длинным, поэтому не исключена возможность использования предмета при «моде» другого типа. Примеры таких наносных султанчиков даны в работе И. Л. Кызласова [1983. Табл. VII, 6]. Однако завоевание не могло пройти бесследно. Коренное население Среднего Енисея не теряло специфики своей материальной культуры, но экономический и политический упадок сказался на качестве изделий, их внешнем оформлении. Происходит заметное упрощение облика предметов, что проявляется и в деталях наносных султанчиков. В начале Нового времени они практически выходят из употребления.

Этническая интерпретация известных в закрытых комплексах наносных султанчиков представляет особый интерес. Все султанчики, за исключением двух предметов, были обнаружены в погребениях по обряду трупосожжения, что можно считать доказательством их принадлежности енисейским кыргызам. Два других экземпляра найдены в могиле № 2 Часовенной Горы, и в таком случае, по-видимому, подтверждается точка зрения Ю. С. Худякова, что погребения Часовенной Горы относятся «к числу памятников кыштымской знати, увеличившей свое влияние в монгольскую эпоху» [Худяков Ю. С., 1982. С. 205], что проявилось и в принятии ими кыргызских «социально-престижных» предметов, среди которых особую роль имеют наносные султанчики. При этом енисейские кыргызы распространяли свою традицию и на другие территории (Калтышино I) [Савинов Д. Г., 1997].

Главной частью узды являются удила («сузлух» – от слова «сух» – засовывать), которые требуются для оказания физического давления на углы рта лошади с целью усмирения животного и управления им. Долгий путь эволюции удил привел к тому, что в описываемое время на юге Приенисейского края были распространены железные удила, состоящие из двух звеньев и кольчатых псалий (трэнзелей). Последние служили для соединения удил с ремнями оголовья, а также крепления пово-

да. При использовании удила должны лежать «на языке и беззубом крае, лишь слегка касаясь углов рта, на которые приходится основное давление при подаче сигналов во время езды на коне» [Тишкин А. А., Горбунова Т. Г., 2004. С. 25].

Обширная историография, посвященная изучению удил в целом и средневековых с территории Среднего Енисея в частности, свидетельствует о широкой и многогранной проработанности этой проблемы относительно территорий Восточной Европы, Западной Сибири и Алтая, юга Средней Сибири. Развитие удил рассматривается с разных точек зрения, предлагаются оригинальные классификационные схемы, позволяющие хронологически и культурно интерпретировать удила. Главная мысль, проходящая через все эти исследования, заключается в том, что начиная с рубежа I–II тыс. н. э. и до наших дней на всем протяжении евразийских степей и прилегающих районах господствует одна форма удил и ее варианты. В литературе она называется по-разному. По сути, это изделие характеризуется наличием «двух подвижных звеньев и двух колец» [Кирпичников А. Н., 1973. С. 16]. С этого времени изменяется понятие псалий: оно или исчезает вовсе, или под ним подразумеваются сравнительно большие кольца.

К указанному типу относятся различающиеся в деталях 22 экземпляра удил, обнаруженных в закрытых комплексах памятников позднего средневековья – начала Нового времени на юге Приенисейского края (табл. 2). Систематизация удил Среднего Енисея позднего средневековья из находок последних лет предполагает разделение удил по признакам, которые в более широком временном промежутке считались бы второстепенными. Следуя общей системе классификации, все предметы относятся к одной категории – удилам и причисляются к одной группе – железных. Дальнейшие ступени классификации, рассматривая предмет в целом (и звенья, и кольца), укажем исключительно относительно класса удил с кольчатыми псалиями. При этом разряды в данной систематизации опускаются. Вполне возможно обратиться к опыту И. Л. Кызласова, который выделяет разряды по форме соединения звеньев: все представленные экземпляры находятся в разных подразрядах соединенно-крюковых [Кызласов И. Л., 1983. С. 11]. По форме окончания звена при соединении его с кольцом устанавливается раздел:

**Классификация удила из археологических памятников Среднего Енисея
позднего средневековья**

Раздел	Отдел	Тип	Подтип	Вариант	Курган
Ушко	Подквадратное	1. Плоское	Прямые	Склепанные	<i>6 экземпляров:</i> № 2 Коя I; № 15 Оя I; м. № 2 Суханиха; Соян-Сеё (XIII–XIV вв.); Сюс-Кюмес-Тапхан (XV–XVIII вв.); м. № 2 Ходын-Хол (XVIII–XIX вв.)
		2. Квадратное	Прямые		<i>3 экземпляра:</i> № 1, № 10 Прихольмье; м. № 1 Часовенная Гора (XIII–XIV вв.)
		3. Округлое	Прямые		<i>2 экземпляра:</i> Самохвал II, к. № 1 (XIII в.)
	Округлое	3. Плоское	Прямые	Скованные	<i>1 экземпляр:</i> Киприно (XIII–XVI вв.)
		4. Округлое	Прямые		<i>3 экземпляра:</i> м. № 1 Суханиха (XIII–XIV вв.); к. № 26 Койбалы I (XIII–XVI вв.); Иннокентьевский (XIV–XVII вв.)
			Невосстановимо		<i>1 экземпляр:</i> к. № 6 Чегерак III (XVIII–XIX вв.)
Кольцо	Подквадратное	5. Прямоугольное	Прямые	<i>2 экземпляра:</i> к. № 6 Самохвал II (XII в.); к. № 3 Койбалы I (XIV–XVII вв.)	

либо ушко (результат загиба в сомкнутый крюк малого диаметра), либо кольцо (крюк значительно большего диаметра, приближающегося по величине к диаметру кольца-псаля). Отдел зависит от сечения грызла: подквадратное или округлое. Тип определяется по форме сечения кольца: плоское, округлое или квадратное. Предлагается выделять подтипы, которые зависят от наличия изогнутости звеньев. На наш взгляд, стоит указывать варианты типа в зависимости от способа изготовления колец: склепанные или нет.

В классификационную таблицу не включена находка из закрытого комплекса кургана № 1 Самохвал, который И. Л. Кызласов относит к XII – началу XIII в. [Кызласов И. Л., 1980. С. 156]. Здесь было обнаружено одно звено от удила, оканчивающееся ушком и имеющее в целом подквадратное сечение [Там же. Рис. 1, 4].

На основании двух известных нам находок в закрытых комплексах и ряду случайных обнаружений [Кызласов И. Л., 1983. С. 57] можно вести речь о существовании в монгольский, а также непосредственно ему предшествовавший период, иного класса удила – с напус-

кными («вертикальными») псалями. В двух закрытых комплексах из погребений, выполненных по обряду трупосожжения, известны удила с напускными пластинчатыми псалями. Первое погребение в кургане № 12 Чернова представляет образец железных упоровых удила, звенья которого соединены крюками, на конце звенья имеют отверстия для соединения с небольшими кольцами плоского сечения для крепления повода. Между прикрепленным кольцом и упором на грызла «одевается» пластинчатый, богато украшенный растительным орнаментом, апплицированный серебром псалий, который предотвращает перемещение удила во рту у лошади, создает наиболее устойчивое их расположение. К псалию крепился наконечник нащечного ремня узды. Важной функцией удила с такими псалями является иллюстрация богатства и состояния их владельца. И. Л. Кызласов датирует данное изделие «черновским периодом» XII – начало XIII в. [Там же. С. 54–55, рис. 28, табл. XXXIV, 14]. Второй предмет из кургана № 3 Каменка V в целом аналогичной формы и принципов конструкции имеет более выра-

женный упор, округлого сечения кольца для крепления повода. Напускные пластинчатые псалии имеют уже прорезной ромбовидный узор и серебряную аппликацию. Изделие датируется И. Л. Кызласовым XIII–XIV вв. [Кызласов И. Л., 1978. С. 124, рис. 2].

На основании находки удила в кургане № 1 Берг Енисея можно выделить особый класс удила с псалиями прямоугольной формы. Данное изделие имеет большие размеры крюки для соединения звеньев (квадратного сечения) друг с другом и еще большего диаметра крюки на противоположных концах грызла, к которым крепятся «прямоугольники-псалии», сделанные из согнутого прута квадратного сечения [Кызласов И. Л., 1983. Табл. XXXVIII, 16]. По своей форме данный предмет более всего напоминает изделия пятого типа. В данном случае, на наш взгляд, наблюдаются результаты ремонта или экстренного изготовления удила. Утерянные кольчатые псалии были заменены на подобные прямоугольной формы. Судя по особенностям соединения концов одного из прямоугольников-псалиев, указанный предмет не мог активно использоваться долгое время. Ответственность этой детали конского снаряжения требует более надежного оборудования. Нельзя исключать и специальный погребальный характер данного экземпляра.

Таким образом, имеющийся материал подразделяется на 5 типов. Все они, а также приводимые ниже аналогии, относятся к нескольким вариантам типа IV по классификации А. Н. Кирпичникова.

Кроме указанных выше, отметим некоторые иные спорные и важные моменты нашей классификации. Размеры колец-псалий, как и их сечение, по мнению некоторых исследователей [Кирпичников А. Н., 1973. С. 12–13], не может быть значимым для классификации признаком. Стоит предположить, что кольца-псалии могли меняться по мере своего старения и функционального назначения, т. е. к старым грызлам, возможно, могли присоединяться новые кольца. Своего рода примером могут служить удила с разными типами псалий. Показателен в данном случае экземпляр из раскопок Б. Э. Петри в улусе Шохтой в Прибайкалье: удила с «широкими кольчатыми и псалиями в виде кольца с вертикальными стержнями» [Дашибалов Б. Б., 1994. С. 198, табл. III, 2]. И все же это замечание не умаляет важности характеристики сечения кольца-псалия для типологизации нашего материала. Во-первых,

после систематизации проявились отдельные типы; соответствующие экземпляры при этом подтверждают свою генетическую близость еще и локализацией в пространстве и времени. Во-вторых, среди приведенных ниже аналогий и примеров кольчатых удила более ранних культур будет заметно взаимное различие и близость именно в форме сечения, а также, но значительно менее явно, в способе соединения звеньев и колец, длине звеньев и т. п. Это не удивительно. Именно форма сечения отдельных частей изделия как результат определенного способаковки с наибольшей показательностью проявляет местные кузнечные традиции, а следовательно, и линии взаимовлияний. Разумеется, внимание на такие детали можно обращать лишь в случаях практически полной схожести внешнего вида изделий. В нашем случае такое внимание вполне оправдано и справедливо.

Другая характерная черта ряда удила – неравномерность звеньев. Причины этого, на наш взгляд, до сих пор не найдены. В представленной систематизации данный признак не учитывается. По нашему мнению, это второстепенная черта удила. Одним из подтверждений ее случайности может служить то, что в противном случае было бы неизбежным присутствие связанных с этой чертой некоторых технологических закономерностей. Например, у кольчатых удила имеется особенность – крюк для взаимного соединения звеньев и ушко для крепления с кольцами на разных плоскостях у одного грызла и в одной плоскости у другого. Следовало бы предположить соответствие таких черт звеньям с определенной длиной. Однако подобную закономерность мы не наблюдаем. К сожалению, не имеется какой-либо работы, посвященной этому вопросу. Отметим лишь, что неравномерность может иметь разные причины, которые, учитывая массовость удила с разными и равными плечами, должны быть выявлены при реконструкционном анализе этой категории конской амуниции.

Среди наших находок отсутствуют экземпляры с обоймой для крепления ремня. Однако на территории Среднего Енисея примеры подобных изделий имеются. Некоторые источники указывают, что похожая деталь является неизменным элементом современной кочевнической узды [Даржа В. К., 2003. С. 89–90, фото 8, 9; Маак Р. К., 1994. Рис. 62]. В музейных коллекциях известны ремненные распределители с обоймами, крепившиеся к

кольцам удил. Таков экземпляр предмонгольского – начала монгольского времени, найденный в пределах г. Красноярска и хранящийся в Красноярском краевом краеведческом музее (№ 64-4). К одному кольцу удил крепился распределитель трех ремней: один для соединения с трензелем, два других отходили к ремням суголовья. На основании этой находки можно считать доказанным наличие в конском снаряжении нащечных ремней и наносного (храпового), при отсутствии подбородочного (подгубного).

Изогнутость звеньев пока не наблюдается среди известных предметов из погребений Среднего Енисея. Но это явление известно, например, в материалах из позднесредневековых погребений Западной Сибири – Кыштовка-2 [Молодин В. И., 1979. Табл. XLIV, 3, 4], Абрамово-10 [Молодин В. И. и др., 1990. Рис. 59, 1, 6, 11], Предбайкалья – Доглан [Николаев В. С., 2004. Рис. 41; 43; 53], Шебуты III [Там же. Рис. 73] и Тувы [Дьяконова В. П., 1975. С. 31, 37]. В настоящее время изогнутые звенья удил имеются, к примеру, у тувинцев, ведущих традиционное хозяйство [Даржа В. К., 2003. Фото 8, 9]. Значительная часть удил в современном конно-спортивном снаряжении имеет изогнутые грызла. По всей видимости, это делается для большего удобства их расположения во рту лошади. Было бы естественным предположить распространение в поздних памятниках на юге Приенисейского края удил с такими признаками. Но нам известны только два экземпляра, ранее не публиковавшиеся. Первый – это одно звено с кольцом с территории Саянского острова, второе удила – литой бронзовый предмет из фондов КККМ № 131-734 (сборы Давыдова в Минусинском уезде).

Хронологическое разделение выделенных типов осуществляется на основании некоторых систематизирующих признаков. По-видимому, постепенное увеличение размера колец, начиная с конца I тыс. н. э., достигает максимальных значений в начале монгольской эпохи. Затем диаметр их окружностей постепенно уменьшается. Форма сечения звеньев развивается от подквадратных (и вообще угловатых) к округлым. Это же относится и к кольцам-псалям.

Можно сделать определенные выводы относительно социального значения удил. Восьмерковидные перпендикулярно-кольчатые удила со стержневидными и пластинчатыми псалями, представленные в работе И. Л. Кызласова [1983.

Табл. I], относятся им к культуре енисейских кыргызов монгольского времени. Среди наших находок подобных примеров мы не встречаем. Возможно, причина этого заключается в характеристике удил как маркера социального статуса погребенных. Богатое оформление удил, как правило, не соответствует предметам с кольчатыми псалями. Исключение здесь составляет лишь декорированный золотом предмет, найденный около с. Ракамаз в Венгрии, который имеет отношение к позднесредневековой культуре населения Среднего Енисея [Мештерхаз К., 1984. Рис. 1 и 2].

Кроме того, следует учитывать относительную простоту изготовления кольчатых удил, которые в значительной степени сохраняют функциональные возможности изделий с напускными псалями. Во времена значительных перемен, войн и массовых передвижений населения особую важность приобретают предметы, которые можно быстро изготовить и отремонтировать. Удила более сложной конструкции, конечно, остаются востребованными. Их конструкция позволяет более жестко держать коня в узде. Но в массовом археологическом материале отражаются главным образом широко распространенные предметы, коими в позднем средневековье были кольчатые удила.

Итак, заключая вышесказанное, мы должны признать, что представленный материал свидетельствует об абсолютном распространении с XIII в. на территории юга Средней Сибири железных удил, состоящих из двух неподвижных звеньев и колец-псалий. Данная форма в общих чертах остается такой вплоть до наших дней (заметно изменяется лишь степень изогнутости грызел). Некоторые незначительные изменения затрагивают отдельные элементы изделия. Это может говорить о влиянии традиций, о местной специфике локального варианта культуры, особенностях изготовления или степени сохранности.

Другая основная часть лошадиной амуниции – седло («изер») со стременами («изене») – «приспособление, надеваемое на спину лошади и служащее для верховой езды всадника» [Тишкин А. А., Горбунова Т. Г., 2004. С. 34]. Изобретение жесткого седла, к которому могли крепиться стремена, сыграло значительную роль в истории. Стало возможным появление новых способов ведения боя, что на протяжении долгого времени являлось главной причиной изменения политической обстановки. Жесткое седло и стремена со второй полови-

ны I тыс. н. э. становятся традиционной частью снаряжения коня.

В археологических памятниках Среднего Енисея изучаемого периода находятся деревянные и металлические части седел. Основа седла была деревянной и состояла из двух полок подпрямоугольной формы и двух соединявших их дугообразных луков. Крепились эти детали при помощи кожаных ремешков. Остов седла покрывался мягким материалом (например, войлоком) и затягивался кожей. В отдельных случаях оставались не покрытые участки дерева, на которые наносилась красная краска. Важными составляющими седел являются обивка луков и полок, которые защищали трущиеся участки, закрепляли стыки разных кусков кожи, а также выполняли эстетическую функцию. В целях увеличения возможностей, которые представляет жесткий седельный каркас, к нему крепились различные пробои с упорами и кольцами, для перевозки выюков, соединения ремней грузов. По археологическим данным предшествующих эпох и аналогиям с соседних территорий, среди кочевников бытовал обычай украшения седельных луков многочисленными фигурными накладками, выполненными из кости или металла.

Седло крепилось на лошади с помощью ремней: нагрудного («*кокси наа*»), подхвостного («*хосхын*»), а все седло с чепраками («*кичим*») и потником («*учургу*») перетягивалось подпругой («*холлаг*») [Патачаков К. М., 1958. С. 42].

В полках седла должны иметься отверстия, через которые может проходить путлищный ремень – соединение со стремени. Длина путлища регулировалась узлами, либо пряжками.

Находки деревянных остовов седел в погребениях второй четверти и середины II тыс. на территории бассейна Среднего Енисея, по которым можно с уверенностью судить о форме изделия, до недавнего времени были неизвестны. В литературе встречаются свидетельства о нахождении в погребениях ленчиков седел, но по разным причинам их подробной публикации не проводилось [Липский А. Н., 1949. С. 85; Гаврилова А. А., 1964. С. 164–165]. Сравнительно хорошо сохранившиеся деревянные основы седел обнаружены в ходе целенаправленного изучения памятников этого времени в 1984 г. (могила № 5 могильника Монашка), в 1985 г. (могила № 8 Монашка), 1987 г. (курган № 8 могильника Высокое) [Ско-

белев С. Г., 1985а; 1985б]. Кроме того, известны невосстановимые фрагменты деревянного предмета, возможно седла, из кургана № 2 могильника Шишка в окрестностях г. Красноярска. Подробное описание находок деревянных остовов седел и их анализ уже выполнены и в данной работе не проводятся [Скобелев С. Г., Выборнов А. В., 2006].

Закономерным следствием появления жесткого седла стало изобретение стремян, которые увеличили устойчивость наездника и подняли уровень и возможности верховой езды на качественно новый уровень. Стремена имеют три главных типологических признака – форма дужек, подножки и расположение «ушка» – отверстия для путлища.

При систематизации рассматривается одна категория находок – стремяна, по материалу изготовления относящиеся к одной группе – железных. Большинство изучаемых стремян имеют отверстие для путлища в уплощенных дужках, потому форма этого крепления учитывается лишь при определении раздела. Разделов можно выделить два – стремяна с отверстием для путлища и без него. В данном случае стоит отмечать варианты или особенности раздела: для первого – расположение отверстия (на выступе дужек, опущенное, с оформленными краями, с расширениями и заострениями), его форму (круглое, квадратное, прямоугольное, искривленное, прямое); для второго – наличие некоторого уступа или выемки для ремня. Отдел учитывает форму продольного плоскостного сечения подножки [Неверов С. В., 1998. С. 130]. Выделяются три отдела – с выгнутой подножкой, прямой (либо со слегка искривленными концами), вогнутой. Тип окончательно определяет абрис проема стремени. На наш взгляд, это наиболее изменчивый признак стремян в позднем средневековье и начале Нового времени. Проем по контуру дужек может быть четырех форм: каплевидным, округлым или овальным, арочным, трапециевидным. При каплевидном – расстояние между тонкими дужками сверху значительно меньше, чем снизу. Дужки плавно изгибаются. Подножка, как правило, несколько выгнутая. При округлом проеме – сильно изогнутые дужки и обычно выгнутая подножка. Возможны некоторые расширения или сужения, т. е. проем не может быть исключительно правильной окружностью. Трапециевидный проем образуется при несколько изгибающихся дужках, у которых расстояние между верхними концами незна-

**Классификация стремян из археологических памятников
Среднего Енисея позднего средневековья**

Раздел	Подраздел	Отдел	Тип (по форме проема)	Подтип (по форме подножки)	Вариант	Курган
С отверстием	В дужках	Подножка выгнутая	1. Каплевидный	Вытянуто-овальная	Края подножки опущены	<i>11 экземпляров:</i> 1 экз. к. № 2 Коя I; 1 экз. к. № 1 Коя II; 2 экз. к. № 5 Коя II; 4 экз. из к. № 1 Самохвал II; 1 экз. к. № 12 Чернова (XIII в.); 2 экз. к. № 3 Каменка V (XIII–XIV вв.)
				Подпрямоугольная	Плоская подножка	<i>2 экземпляра:</i> к. № 12 Новоселовская Гора (XVI–XVIII вв.)
			2. Округлый	Вытянуто-овальная	Края подножки опущены	<i>3 экземпляра:</i> 1 экз. к. № 2 Коя I; 1 экз. к. № 1 Коя II; 1 экз. м. № 2 Часовенная Гора (XIII–XIV вв.)
		Подножка прямая	3. Каплевидный	Вытянуто-овальная	Края подножки опущены	<i>1 экземпляр:</i> к. № 5 Прихольмье (XIV–XVI вв.)
					Плоская подножка	<i>2 экземпляра:</i> Соян-сёе (XIII–XIV вв.)
			4. Трапецевидный	Вытянуто-овальная	Края подножки опущены	<i>3 экземпляра:</i> 1 экз. к. № 5 Прихольмье (XIV–XVI вв.); 2 экз. Иннокентьевское (XIV–XVII вв.);
			5. Арочный	Вытянуто-овальная	Плоская	<i>1 экземпляр:</i> к. № 2 Ортызы-Оба (XVIII – нач. XIX в.)
			6. Трапецевидный	Вытянуто-овальная	Края подножки опущены	<i>2 экземпляра:</i> м. № 5 Суханиха (XIII–XIV вв.)
			7. Округлый	Подпрямоугольная	Плоская	<i>1 экземпляр:</i> м. № 5 Монашка (XVII–XVIII вв.)
			8. Арочный	Подпрямоугольная	Плоская	<i>1 экземпляр:</i> из м. № 5 Монашка (XVII–XVIII вв.)
Без отверстия	–	Подножка выгнутая	9. Округлый	Вытянуто-овальная подножка	Края подножки опущены	<i>2 экземпляра:</i> Киприно (XIII–XIV вв.)

чительно меньше расстояния между нижними. Такой проем, как правило, сопровождается прямой или слегка изгибающейся подножкой. Арочный проем отличается от предыдущего прямыми дужками, расположенными перпендикулярно крепящейся оси подножки. Для большей степени отражения характерных деталей стремени предлагаем выделять подтипы по форме подножки в плане (вытянуто-овальные, подпрямоугольные, круглые, овальные) и варианты, согласно форме поперечного сечения подножки (с опущенными концами, плоская, с бортиками снизу или сверху).

Нами систематизируются 29 экземпляров находок в позднесредневековых закрытых комплексах Среднего Енисея (табл. 3). Из них большая часть была обнаружена в ходе раскопок археологического отряда Новосибирского государственного университета под руководством С. Г. Скобелева, остальные публиковались разными авторами: четыре экземпляра из кургана № 1 могильника Самохвал [Кызласов И. Л., 1980. Рис. 4 и 5], по два экземпляра из кургана № 3 могильника Каменка V [Кызласов И. Л., 1978. Рис. 7], могилы № 2 могильника Часовенная Гора [Кызласов И. Л., 1983. Табл. XVI], могилы № 5 могильника Суханиха [Гаврилова А. А., 1964], Иннокентьевский [Николаева И. Б., 1963].

Проведенная систематизация ставит проблему, касающуюся классификационной взаимосвязи орнаментального украшения предметов и морфологических особенностей. Оформление насечками нижней границы отверстия для путлища у стремян из кургана № 5 Коя II, Солян-Сее, кургана № 1 Самохвал II подразумевает их близость, но типологически определяющие характеристики их проема отличают предметы. По-видимому, форма проема важнее. На Самохвале найдены в одном кургане два аналогичных по форме и цельному оформлению, апплицированные серебром стремени, отличающиеся тем, что одно из них имело орнаментированные дужки, а у второго нижняя часть отверстия для путалищного отверстия была украшена насечками. Подобный пример мы видим и относительно стремян из кургана № 12 Новоселовская Гора. Иначе говоря, форма проема имеет принципиальное, «жизненное» значение, особенно во времена постоянных средневековых миграций, в ходе которых орнамент становится чем-то более подходящим в облик изделия, нежели устойчивая зависимость формы. Однако декориро-

вание в любом случае имеет основательные корни в местной культурной традиции. Таким образом, все отмеченные предметы, у которых часть дужки под отверстием украшена волнообразными насечками (выпуклыми), созданы в разное время, так как имеют значительные отличия в форме, но имеют общую культурную основу, в данном случае – кыргызскую. Это подтверждается обрядом погребения, зафиксированным в памятниках, где были обнаружены указанные предметы.

Поэтому в классификационной таблице не учитывались особенности декоративного оформления изделий. Они должны браться во внимание в типологических построениях, при установлении относительной хронологии и т. п., но при классификации должны обозначаться признаки, которые представляют наиболее ясную картинку общего и частного.

К монгольскому времени у населения юга Приенисейского края бытовали стремени с отверстием в дужках, каплевидной или округлой формы, чаще всего с глубокой выгнутой подножкой. Подобные стремени были новацией, и они только начали завоевывать популярность у кочевых народов Евразии. Мы не беремся уверенно обозначать регион происхождения таких стремян. По-видимому, этот вопрос требует специального изучения. Однако относительно основного изменения в их форме, которое можно наблюдать на обширном материале – отверстия в дужках, отметим его своеобразную революционность. Долгие поиски привели к тому, что стало очевидным – «паз для путалища удобнее всего делать в дужке стремени» [Амброз А. К., 1973. С. 86]; при этом не страдает ни эстетическая сторона дела, ни функциональные качества. Возможно, стремя с выделенной пластиной прямо держалось на ремне и предотвращало лишнее движение стремени на путлище вдоль корпуса лошади. Предполагается, что одной из функций длинной пластины была защита стремени от запутывания в путлище. Однако, на наш взгляд, такие утверждения опровергаются опытом нескольких столетий успешного использования стремян без пластины.

Для стремян с отверстием в дужках предмонгольского и монгольского времен характерен округлый абрис с выгнутой подножкой. Мы видим несколько причин такого явления. Первая заключается в зависимости формы стремени от господствующего вида боя. Разумеется, здесь не может быть однозначного ответа. По

крайней мере, до XII в. у енисейских кыргызов наблюдается смешение различных видов боя. Известны тяжеловооруженные копейщики с оружием ближнего боя и луками и легковооруженные лучники [Худяков Ю. С., 1980. С. 144–148]. Это должно было обусловить широкое распространение «круглых» стремян, так как при стычках копыеносцев посадка всадника предполагала вынесение ног далеко вперед, практически до упора, на уровень шеи лошади. В этом случае наиболее безопасным и удобным должно быть «круглое» стремя, при котором повышается площадь соприкосновения ноги и подножия, увеличивается устойчивость наездника. Но наличие уже в это время и дальнейшее развитие сабельного боя, а также дистанционного, «личного боя» [Бутанав В. Я., 1981. С. 191], когда воину необходимо приподниматься в седле для увеличения силы удара, требовали обеспечения удобства и устойчивости. Для мечника, как и для лучника, наиболее подходящим будет стремя с прямой подножкой. Округлый проем изделия создает для них вполне известное чувство неудобства, некоторого «покачивания».

Вторая причина заключается в особенностях технологии их изготовления. Для изготовления стремени с округлым проемом оказалось гораздо проще создавать отверстие для путлища в дужках. После осознания положительных качеств такого изобретения его стали широко использовать и значительному изменению стали подвергаться другие части стремян – проем и подножка.

Итак, в монгольское время унифицируется комплекс снаряжения коня, в том числе и стремяна. Повсеместно распространяются стремяна с каплевидным или округлым проемом, вытянуто-овальной в плане подножкой, которая имеет опущенные края и иногда ребро жесткости. Оформление изделий при этом также развивается: появляются новые приемы серебряной аппликации, различается декорирование, создаются новые оригинальные элементы, например кольца на стременах. Подножка достигает значительной ширины. Общий вес стремени увеличивается, оно становится ощутимо массивнее.

Уже в монгольское время заметен переход к стременам с прямой подножкой и арочной или трапециевидной формы проемом. К послемонгольскому периоду в облике стремян появляется некоторая угловатость, так старательно избегавшаяся на предыдущем этапе. Поднож-

ка сужается, становится исключительно прямой, часто плоской в сечении. В отличие от стремян более раннего периода стандартизируется сечение дужек – все они становятся прямоугольными. С изделиями предшествующего времени стремени послемонгольской эпохи связаны формой подножки (вытянуто-овальной в плане), опускаемыми еще краями на некоторых предметах, способами оформления отверстия для путлища. Стремени теряют свою массивность.

Дальнейший этап развития стремян Среднего Енисея, по-видимому, связан с русским влиянием и проявляется, кроме всего прочего, в вогнутости подножки. Но главным отличием становится выпрямление дужек, проем становится арочным. Подножка в плане приобретает прямоугольную форму и полностью теряет опущенные края или ребра жесткости. Однако появляются предметы, несущие в себе ряд признаков этого периода и характеристики, напоминающие изделия ранних этапов, например изделие из кургана № 12 могильника Новоселовская Гора. Ширина подножки в самом начале Нового времени еще небольшая. Но некоторые этнографические материалы XIX в. говорят о постепенном переходе к стременам с широкой круглой подножкой, напоминающей блюдце и имеющей бортики снизу или сверху. В таких, обычно массивных, предметах, имеющих арочный проем, все дужки располагаются перпендикулярно крепящей оси подножки. Внимание мастеров конца XVIII – начала XX в. вновь концентрируется на способе оформления отверстия для путлища, которое, однако, не выносится на отдельную пластину. Кроме того, самостоятельную декоративную функцию приобретает подножка. Такие стремени широко известны по случайным находкам, однако имеются примеры из археологических памятников Среднего Енисея и сопредельных территорий: Хакасско-Минусинская котловина – могила № 2 Означенное (КККМ № 108-22); Тува – этнографические погребения [Дьяконова В. П., 1975. С. 33]; Предбайкалье [Николаев В. С., 2004. Рис. 71, 1, 2]. Данные изменения, скорее всего, следует связывать с влиянием из Китая. Известны очень богато украшенные стремени этого типа второй половины XVII в. и более позднего времени [Альбом..., 1987. С. 102–103; Парадное оружие..., 1986. Рис. 20].

В настоящее время в конной верховой езде наибольшее распространение получило стан-

дартное стремя с трапециевидным проемом, прямоугольным отверстием для путлища, круглыми в сечении дужками и «полой» в центре подножкой, состоящей из двух стержней. Отдельные этнографические примеры стремления уменьшить вес стремени за счет подножки известны из некоторых сборов в Южной Сибири. Однако такой прием в значительной мере связан с развитым промышленным производством. Мелкое кузнечное ремесло еще не могло создавать подобные предметы из тугоплавкой стали. Но форма стремян в целом остается традиционной. Так, в погребении середины XIX в. на территории площади Национального банка в г. Абакан было обнаружено стремя, аналогичное по форме современным фабричным предметам, за исключением прямой, плоской подножки [Минор В. А., 2005. С. 8–9, рис. 37, 2]. Следует заметить, что в том же погребении было обнаружено стремя более архаичного облика: «восьмерковидное» (с петельчатым навершием), округло-трапециевидным проемом, опущенными краями подножки. Однако форма стремени в целом не оставляла сомнений в его позднем происхождении: особенности проема, толщина дужек и подножки [Там же. Рис. 37, 1]. Таким образом, подтверждается хронологическое значение стремени исключительно как комплекса признаков, но не отдельных частей.

Вопрос об объективных причинах смены одних типов стремян другим связан с хозяйственным укладом населения, тактикой боя, иноэтничными влияниями и др. процессами. Широко распространенное предположение о зависимости формы стремени, в частности подножки, от жесткости обуви [Кирпичников А. Н., 1973. С. 46] представляется несколько сомнительным. Предполагается, что изделия с выгнутой подножкой – для всадника с мягкой обувью, с прямой – для жесткой подошвы. Кочевники Центральной Азии, по видимому, в период позднего средневековья и этнографической современности пользовались обувью с мягкой или полужесткой подошвой [Бадмаева Р. Д., 1987. С. 16]. Кроме всего прочего, это не согласуется с фактами находок на одной территории одновременных стремян с разной глубиной подножки. При этом необходимо учитывать и множество других нюансов, определявших форму стремени – условия изготовления, тяжесть доспехов, время нахождения в седле, качество металла, требование к декорированию стремени и т. п. Кроме того,

находки разнотипных стремян в одном погребении или появление оригинальных изделий можно объяснять, возможно, долгим сроком использования стремян.

Вероятно, большинство стремян с Енисея периода позднего средневековья изготовлены местными мастерами, поскольку их характерной чертой является традиция посеребрения (в ряде случаев). Об этом может говорить оформление дужек характерными насечками, предназначенными для инкрустации их серебром [Кызласов И. Л., 1983. С. 47]. Подобным образом декорированы стремени из кургана Солян-Сее, кургана № 5 могильника Коя II, кургана № 1 могильника Самохвал II, могилы № 2 могильника Часовенная Гора, из коллекции Минусинского музея – № 8293 [Там же. Табл. XVI, 4, 6, 8, 9].

Говорить о социальном статусе погребенного на основании найденных стремян пока сложно. Разумеется, необычные находки чаще, чем массовый материал, указывают на высокий статус покойного. Очевидно, заметное общественное положение занимали и погребенные в кургане № 5 могильника Коя II, кургане № 12 могильника Новоселовская Гора, что подтверждается и другим сопроводительным инвентарем. На основании находок таких комплексов мы можем утверждать, что стремени, изготовленные с применением необычных технологий и приемов, дополненные серебряной инкрустацией и элементами украшений, соответствуют богатому набору остального инвентаря.

Возможно, социальный статус погребенного отражают и стремени, сделанные не из металла. Их использование у населения лесостепей Евразии подтверждается находками в археологических памятниках, данными этнографии. Так, роговое стремя найдено в гроте I Узун Хая на Среднем Енисее [Там же. Табл. XV]. Известны они в Причулымье [Беликова О. Б., 1988. Рис. 8, 2]. Стремени из дерева и рога использовались на Алтае [Ефремов С. А., 1998. С. 168] и в Забайкалье [Зайцев М. А. и др., 1994. Рис. 8, 2]. У хакасов этнографического времени бытовали стремени из дерева [Патачаков К. М., 1958. С. 42].

Как видим, в ходе эволюции стремян основное внимание древними мастерами обращалось на форму и место отверстия для путлища или ушка. На протяжении всей второй половины I тыс. н. э. шло чередование двух традиций изготовления стремян – восьмеркообразное стремя и стремя с выделенной

пластиной. Скорее всего, на рубеже I–II тыс. ситуация изменилась. Уровень производительных сил повысился, и изготовление качественных, удобных стремян стало не настолько трудоемким делом, каким оно было ранее. Уже в начале II тыс. восьмеркообразные стремяна становятся анахронизмом [Кирпичников А. Н., 1973. С. 48]. Ушко перестало быть главным элементом в облике стремени, его могло вообще не быть, все большее внимание уделялось подножке и форме проема. Именно они определяли удобство и устойчивость нахождения стопы всадника в стремени. Осуществлялся постепенный переход от изделий с круглым проемом, глубокой подножкой и отверстием в расплющенных дужках через проемы арочной и каплевидной форм к этнографическим стремянам с исключительно прямой подножкой и несколько угловатой формой.

Седло и стремяна являются важной, но не обязательной частью снаряжения коня. При всех достоинствах такого изобретения (главным образом, устойчивость и удобство всадника), в мирной жизни представители низших слоев кочевого общества часто вполне могли обходиться и без седла. Не стоит забывать и об увеличении давления на спину животного при применении седла. У хакасов известно даже специальное название для места на спине лошади, натертого седлом, – «чаар». Возможно, и этими причинами можно объяснить факты отсутствия во многих погребениях принадлежностей седла.

Необходимо отметить, что в настоящее время весьма сложно проводить подробный анализ и типологию остальных категорий конского снаряжения – пряжек, накладок, наконечников и распределителей ремней, блях и подвесок. Основная проблема интерпретации большинства этих предметов заключается в сложности определения их принадлежности при отсутствии находок *in situ*.

Задача интерпретации пряжек требует, на наш взгляд, специального масштабного исследования. В литературе, посвященной различным территориям лесостепной зоны Евразии, предлагаются некоторые признаки для отличия одежных и конских пряжек. Например, Е. И. Деревянко относительно вещевого материала раннего и развитого средневековья из Троицкого могильника в Амурской области отмечает: «бронзовые и серебряные пряжки – принадлежность одежды людей, а

костяные и железные – конской сбруи» [Деревянко Е. И., 1977. С. 118]. Подобное утверждение в настоящее время требует существенных дополнений, тем более, учитывая находки в последние годы на Троицком могильнике одинаковых пряжек, изготовленных из бронзы и железа [Стоякин М. А., 2006. С. 67]. По отношению же к региону Среднего Енисея разделение пряжек, основываясь на материале изготовления, невозможно.

Подавляющее большинство известных на Енисее поздних пряжек – железные. Костяные пряжки, широко распространенные ранее, в изучаемое время известны лишь в одном экземпляре – из могилы № 5 могильника Суханиха, где найдена *in situ* подпружная роговая пряжка с железным язычком [Гаврилова А. А., 1964. Рис. 1, 5]. А. А. Гаврилова видит отличительную черту среднеенисейских роговых пряжек в отсутствии продольных прорезей [Там же. С. 168]. Отсутствие других примеров можно связывать и с особенностями погребального обряда енисейских кыргызов – кремацией, при которой костяные изделия сильно разрушаются. Находки костяных пряжек с язычками, которые принято считать подпружными, известны в монгольское время у кочевников Евразийских степей иных регионов и прилегающих территорий [Худяков Ю. С., 1994. Рис. 1, 12; Anke V. von et al., 1997. Abb. 28, 7; Культура Биляра, 1985. Табл. LXIV; Кириллов И. И., 1983. Рис. 8, 12; Немеров В. Ф., 1987. Рис. 7, 10; Ефремов С. А., 1998. Рис. 3, 4; и др.].

Сложно проводить линии раздела металлических пряжек, основываясь на их размерах. По всей видимости, ясности в этом вопросе можно достигнуть при подробном и основательном их исследовании. Оно должно заключаться в широком привлечении всех известных позднесредневековых и этнографических пряжек, проведении статистического анализа их размеров и формы и вычислении степени встречаемости отдельных типов. Может помочь и опыт исследования погребений предмонгольского и монгольского времени из Предбайкалья, где *in situ* находились пряжки конского снаряжения, которые были систематизированы [Николаев В. С., 2004. С. 100].

Сложности в интерпретации возникают и по отношению к накладкам на ремennую основу. Здесь также требуется специальное исследование. В большинстве случаев практически не возможно определить: это накладки

на ремни одежды или конского снаряжения. Принципы, на которых мы могли бы основываться, не выделены. И. Л. Кызласовым проведен относительно подробный анализ внешнего декоративного оформления накладок и ременных наконечников без указания их функционального применения [Кызласов И. Л., 1983. Рис. 59, 60]. В музейных экспозициях ремни оголовья коня часто покрывают набором накладок, что в большей части случаев является достаточно спорным. Определенный набор ременных накладок, которые были найдены в закрытых позднесредневековых комплексах Среднего Енисея, видимо, могли являться принадлежностями амуниции лошади, если основываться на сходстве отдельных черт оформления накладок и наносных султанчиков, а также ременных распределителей и обойм из состава конского снаряжения. Однако не исключена их принадлежность деталям одежды.

В состав ременной фурнитуры конского снаряжения входят также разнообразные распределители ремней, бляхи, обоймы, часто покрытые орнаментом, которые, разумеется, несут в себе определенную информацию, касающуюся этнокультурной истории. Это подтверждается примерами успешного анализа аналогичного материала рубежа I–II тыс. н. э., реконструкции украшенной узды [Шиготарова Т. Г., 2001; Горбунова Т. Г., 2003; Боровков А. С., 2001]. Но решение этой задачи по материалам Среднего Енисея требует специального исследования.

Для управления конем у всех кочевых народов используется плетка, которую нельзя формально считать частью конского снаряжения, однако как часть неотъемлемого вещевого комплекса управления конем ее следует упомянуть. Об особенностях употребления плетей и их ношения имеются работы А. П. Бородавского [1987; 1993]. У народов Саяно-Алтая рукояти плетей изготавливали из таволжника, которому придавались функции защиты от нечистой силы [Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В., 2005. С. 91]. Бьющая часть, по-видимому, делалась из кожаных ремней или нескольких сыромятных полос [Маншеев Д. М., 2002. С. 73]. Многообразие евразийских наверший плетей рубежа тысячелетий в виде голов птиц изучал Н. А. Кузнецов, сделавший основные выводы относительно их использования [Кузнецов Н. А., 1999]. Им подчеркивается особое соблюдение традиции их изготовления и

использования у народов Саяно-Алтая. В памятниках Среднего Енисея мы находим подтверждение их существованию в виде железного навершия из кургана № 1 могильника Койбалы I, оформленного в виде головы птицы с длинным загнутым клювом, которое обеспечивало удобное и надежное нахождение плети в руке всадника. Подобные навершия плетей известны в Западной Сибири монгольского времени [Соловьев А. И., 2003. С. 158, рис. 6]. Аналогии более раннего времени из железа имеются в Туве (Уюк-Тарлык), Северо-Западном Казахстане (Ак-Полак), а также из бронзы в Минусинском музее [Кызласов И. Л., 1983. Табл. XVIII, 1–5]. Навершия в виде головы птицы с клювом известны в кыргызских памятниках Алтая IX в. [Тишкин А. А. и др., 2004. Рис. 2, 9]. Примеры костяных рукоятей плетей монгольского времени известны из памятников Восточной Европы [Федоров-Давыдов Г. А., 1966. С. 22, рис. 3, 3]. Похожие бронзовые и костяные изделия были найдены в Биляре [Культура Биляра, 1985. Табл. XLIX].

Нам не известны случаи подковывания коней населением Среднего Енисея в позднем средневековье. Тем не менее возможность этого подтверждается находками подков в Кара-Коруме [Немеров В. Ф., 1987. С. 223].

Многочисленные археологические и письменные источники, данные этнографии позволяют утверждать, что основные принципы снаряжения коня в монгольское и послемонгольское время являются универсальными и распространенными повсеместно. Насколько можно судить, снаряжение верхового коня с кольчатыми удилами и жестким седлом со стременами сложилось на рубеже I и II тыс. н. э. в том виде, в котором мы можем наблюдать его и у современных кочевых народов. Пока трудно судить, из одного ли центра распространялись правила снаряжения, или же они возникали автотонно. Дальнейшее изучение археологических источников по конскому снаряжению из Хакасско-Минусинской котловины в широком сопоставлении с комплексом случайных находок и аналогий сопредельных территорий способно создать определенный фундамент для решения некоторых вопросов. Одним из них может быть вопрос о направлении и содержании развития конского снаряжения Северной Азии в монгольское и послемонгольское время.

Список литературы

- Альбом*, посвященный 30-летию музея Внутренней Монголии Хух-Хото 1957–1987. Хух-Хото, 1987. 164 с. (на кит. яз.).
- Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.
- Бадмаева Р. Д.* Бурятский народный костюм. Улан-Удэ, 1987. 144 с.
- Беликова О. Б.* Курган 53 Змеинкинского могильника на Чулыме // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск, 1988. С. 116–135.
- Боровков А. С.* Набор украшений верхового коня эпохи раннего средневековья из северо-западных предгорий Алтая // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 3–9.
- Бородовский А. П.* Плетки и возможности их использования в системе вооружения племен скифского времени // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 28–39.
- Бородовский А. П.* Плетки и стежки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 179–189.
- Бутанаев В. Я.* Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 188–197.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан, 2005. 200 с.
- Гаврилова А. А.* Могилы поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее // СА. 1964. № 2. С. 164–170.
- Горбунова Т. Г.* Распространение «тюркской» культурной традиции на юге Западной Сибири (по материалам украшений конского снаряжения) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 43–48.
- Даржа В. К.* Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл, 2003. 184 с.
- Дашибалов Б. Б.* Находки культуры «курумчинских кузнецов» из раскопок Б. Э. Петри // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н. э. Кемерово, 1994. С. 190–207.
- Деревянко Е. И.* Троицкий могильник. Новосибирск, 1977. 224 с.
- Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. 163 с.
- Ефремов С. А.* Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников I пол. II тыс. н. э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 159–169.
- Зайцев М. А., Свинин В. В., Харинский А. В.* Старобурятские погребения из бухты Хагун // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. Кемерово, 1994. С. 233–255.
- Кириллов И. И.* Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983. С. 123–138.
- Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. 139 с.
- Кузнецов Н. А.* Рукоять плетки из второго Есаульского кургана // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 54–71.
- Культура* Биляра. М., 1985. 216 с.
- Кызласов И. Л.* Курганы средневековых хакасов XIII–XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) // СА. 1978. № 1. С. 122–141.
- Кызласов И. Л.* Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 135–164.
- Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983. 126 с.
- Липский А. Н.* Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году // КСИИМК. М.; Л., 1949. Вып. 25. С. 75–86.
- Маак Р. К.* Виллюйский округ. М., 1994. 592 с.
- Маншеев Д. М.* Способы и средства передвижения бурят Восточного Присаянья в конце XIX – начале XX века (На материалах Байкальского этнографического отряда ИАЭТ СО РАН) // Народы Байкальского региона: древность и современность. Новосибирск, 2002. С. 72–78.
- Меистерхази К.* Памятники аскизской культуры у с. Ракамаз (Венгрия) // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1984. С. 55–63.
- Минор В. А.* Отчет о проведении охранно-спасательных археологических работ на тер-

ритории реконструкции здания Национального банка Республики Хакасия. Абакан, 2005. 269 с. (Архив ИА РАН)

Молодин В. И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. 182 с.

Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 262 с.

Неверов С. В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье.* Барнаул, 1998. С. 129–151.

Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // *СА.* 1987. № 2. С. 212–227.

Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск, 2004. 306 с.

Николаева И. Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // *Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края.* Красноярск, 1963. С. 115–123.

Парадное оружие и конское убранство XVII–XVIII вв. Путеводитель // *Государственные музеи московского Кремля.* М., 1986. 17 с.

Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан, 1958. 104 с.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967. 198 с.

Савинов Д. Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // *Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии.* Новосибирск, 1990. С. 114–131.

Савинов Д. Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н. э.) // *Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины.* Кемерово, 1997. С. 77–99.

Скобелев С. Г. Отчет об археологических раскопках позднесредневековых памятников в Алтайском, Бейском и Емельяновском районах Красноярского края в полевом сезоне 1984 г. Новосибирск, 1985а. 25 с. (Архив ИА РАН).

Скобелев С. Г. Отчет об археологических раскопках и разведках позднесредневековых памятников в Бейском, Большеулуйском, Емельяновском, Минусинском, Новоселовском и

Орджоникидзевском районах Красноярского края в полевом сезоне 1985 г. Новосибирск, 1985б. 32 с. (Архив ИА РАН).

Скобелев С. Г., Выборнов А. В. Деревянные основы седел из поздних погребальных памятников Среднего Енисея // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология.* 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография (приложение 2). С. 235–247.

Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003. 224 с.

Стоякин М. А. Комплекс вооружения Троицких мохэ (по материалам раскопок Троицкого могильника в 2004–2005 гг.) // *Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI РАЭСК.* Красноярск, 2006. С. 65–68.

Тишкин А. А., Горбунова Т. Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: Учеб.-метод. пособие. Барнаул, 2004. 126 с.

Тишкин А. А., Дашковский П. К., Горбунов В. В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий.* Новосибирск, 2004. Т. 10, ч. 1. С. 410–415.

Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 273 с.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. Новосибирск, 1982. 239 с.

Худяков Ю. С. Предметы вооружения и сбруи монгольского времени из музеев Восточного Туркестана // *Altaica.* 1994. № 4. С. 41–44.

Шиготарова Т. Г. Бляхи-подвески конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) // *Историко-культурное наследие Северной Азии.* Барнаул, 2001. С. 164–172.

Anke B. von, Moskalev M. I., Soltobaev O. A., Tabaldiev K. S. Ausgrabungen auf dem Gräberfeld von Süttü-Bulak, Raj. Kočkorka, Kyrgyzstan // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens.* 1997. Bd. 3. S. 513–569.